

© 2007 г. А. С. САМИГУЛЛИНА

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СЕМИОТИКА

В рамках разработки современных методик и практик лингвистического исследования автор предлагает осуществить «концептуальную интеграцию» когнитивного и семиотического моделирования. Необходимость такого совмещения автор объясняет особенностями природы языка, которая носит принципиально двойственный характер: язык – это одновременно и система знаков, замещающих предметы речи, и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей. Когнитивная лингвистика предстает как наука о символах, а семиотика – как наука о знаках.

1. САМОСОЗНАНИЕ ЛИНГВИСТИКИ – ВЧЕРА И ЗАВТРА

На заре становления отечественной когнитивистики Р.М. Фрумкина справедливо указывала на тот факт, что термин «когнитивизм» неизбежно вплетается в контекст множественных индивидуально обусловленных интерпретативных практик и субъективных ассоциативных приращений. Подобное положение дел получает, тем не менее, вполне закономерное объяснение, так как за когнитивной научной парадигмой закрепляется статус нового идеального проекта, реальные разработки которого еще пребывают *in statu nascendi*, а его появление продиктовано стремлением лингвистики нового поколения уйти от атомарности и «физикализма» позитивистских описаний и найти крупные структуры, детерминированные социально и коммуникативно [Фрумкина 1999].

Однако своеобразный научный «плюрализм», сформировавшийся в пространстве субъективного и с неизменным постоянством культивируемый в рамках когнитивной лингвистики, с одной стороны, все более отдаляет исследователя от редукционистского подхода, а, с другой стороны, «один редукционизм заменяется другим – то в одеждах “полушарной” мифологемы, то в одеждах мифологемы компьютерной» [Там же]. Когнитивизм и по сей день остается научной метафорой, научным фантомом, «мерцающим загадочным светом» перед исследователями языка, а когнитивная лингвистика, все еще являя собой «субформацию» по отношению к психолингвистике и лингвокультурологии, продолжает «отказываться от “импорта” в нее критериев точности, заимствованных из дисциплин естественнонаучного цикла» [Там же]. Подобное спорадическое движение исследовательской мысли в направлении «ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ-лингвистики» (термин А.Е. Кибрика [Кибрик 2003]) оправдывается, в первую очередь, тем, что у когнитивистов нет сложившейся системы методов и процедур анализа фактов языка. В самом общем виде лингвокогнитивный подход направлен на описание тех или иных фрагментов языка в терминах концептуальных абстракций, а также на установление и объяснение «тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [Кубрякова 2004: 9], на своего рода «синергию» или совмещение ментального и вербального пространств. В этом и состоит, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, основной метод (следует заметить, что метод понимается здесь в самом широком смысле) нового «идеального проекта» в науке о языке [Кубрякова 2004]. Подобная мысль красной нитью проходит через целый ряд фундаментальных трудов по когнитивистике. Так, А.Е. Кибрик констатирует, что «когнитивная лингвистика, при всем многообразии ее современных реализаций и понимания, исходит из первичности когнитивных структур по отношению к языку и из представления о языко-

вых единицах и правилах как о конвенционализированных (грамматикализированных) когнитивных структурах и процессах» [Кибрик 2003: 51]. Отсюда проистекает конечная цель описания языка в рамках когнитивной лингвистики, а именно – установление соответствий между языком и когнитивным представлением, а также изучение языкового сознания и образа мира, существующего в голове человека [Красных 2001: 29]. Для лингвистики объяснительного толка «языковые объекты существуют не сами по себе как автономные семиотические сущности, а как инструменты, имеющие функциональное предназначение в процессах языковой деятельности» [Кибрик 2003: 104]. Действительно, на первый взгляд складывается впечатление, что наконец-то языковеды получили мощный импульс для выявления общих закономерностей в формировании ментальных представлений языковой личности, как это изначально прописано в теоретической базе лингвокогнитивных исследований, которые «в тенденции ориентированы на семасиологический вектор: от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации)» [Воркачев 2003: 7]. Однако оказывается, что дальнейшее развитие когнитивизма направлено на постепенное «выхолащивание» объективизма из методологических «недр» когнитивной лингвистики и, как следствие, превращение ее в науку о субъективных смыслах, о когнитивных метафорах и ментальных конфигурациях, о множестве «зонтиковых» (термин С.Г. Воркачева [Воркачев 2003]) терминов, которые покрывают значительную область «нематериального» или субъективного пространства и «препарируются» лишь при помощи интроспективного анализа, то есть посредством самонаблюдения (ср., например [Падучева 2004: 13]) и саморефлексии, «тренированной интроспекции» исследователя [Вежбицкая, 1999]. Тем не менее, интроспективный метод имеет свои очевидные преимущества в силу того, что в фокус лингвистических изысканий попадают интерпретативные способности языковой личности, «рождается» новая реальность, реальность разноформатных смыслов и ассоциативных цепочек; возникает идея о том, что «язык не обозначает объекты и ситуации реального мира, а в каком-то смысле, их создает» [Падучева 2004: 20]. Тот же мотив «полифонии» смыслов звучит и в лингвофилософской работе Б.М. Гаспарова, где язык воспринимается как нечто большее, чем упорядоченный инвентарь форм, поскольку определяющую роль в нем играют не материальные элементы, а релятивные по своей природе знаковые ценности, отношения между которыми образуют структуру [Гаспаров 1996: 23]. «Проникнуть в эту толщу, распутать хотя бы некоторые из бесконечных наслоений и переплетений смысловой ткани, выделить хотя бы некоторые голоса в этом непрерывно звучащем в нашем сознании оркестре, грандиозном в своей анонимности, – такова задача, встающая при анализе языка как мнемонической среды, в которой протекает языковое существование» [Там же: 107–108]. Ступить дважды в «один и тот же» поток языковой мысли оказывается невозможным, но в действительности, «культурные (или конвенциональные) модели обеспечивают почву для синхронизирующих ассоциаций, которые задают соответствующие рамки для интерпретации реального опыта» [Shore 1991]. Следовательно, когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу синхронизировать подобные ассоциативные наслоения, подвести их под общий знаменатель и упорядочить процесс смыслопорождения и смысловразличения в ментальном континууме индивида, что значительно облегчается при метафорическом прочтении объекта исследования. «Сила метафоры, ее “голубая кровь” (А.Н. Баранов) – в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в прагматической значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов 2001: 36]. Таким образом, метафора – это основа концептуальной интеграции, базис для совмещения ментальных пространств писателя и читателя, говорящего 1 и говорящего 2, этносоциума 1 и этносоциума 2 и т.д. В работах И. Ричарда и М. Блека метафоры рассматриваются как средства создания и расширения сложных систем человеческого мышления через «интеракционный эффект». Метафора позволяет наложить новую категоризацию на исходный объект, подключая к нему новые импликации [Shore 1991].

Отсюда и проистекает метафоричность самого термина «когнитивный», а также появляются попытки выйти за пределы сознания в сферу бессознательного, что еще больше вводит лингвиста в заблуждение, заставляет его совершать «движение по кругу» и рассуждать не о строгой методике анализа, а о терминологическом аппарате исследования – ведь бессознательное существует за границами *мира-Я*, а потому недостижимо. Попытка вторжения в сферу бессознательного совершенно оправданно получает критическое осмысление в работах известного отечественного когнитолога Е.С. Кубряковой, которая полагает, что «мы еще не знаем, как протекают процессы мышления, но можем предположить, что некоторые из них протекают все же на сознательном (осознаваемом) уровне, т.е. приобретают характер мышления рационального» [Кубрякова 2004: 20].

Таким образом, современная когнитивистика балансирует между субъективным и объективным, то приближаясь к последнему, то отдаляясь от него, затрудняя тем самым процесс разработки процедуры лингвокогнитивного анализа, который, выводя исследователя на «бескрайние просторы» междисциплинарности, «отчуждает» его от важных обобщений, полученных в рамках собственно лингвистики, а именно в семиотике, в так называемом «трехмерном пространстве языка». Хочется верить, что в скором будущем когнитивная лингвистика приобретет относительно строгую методику и процедуру анализа языковых фактов и станет тем идеальным проектом, который до сих пор отсутствует в современной науке о языке.

2. КОГНИТИВИСТИКА И СЕМИОТИКА: ОБЩНОСТЬ ИЛИ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ В ОНТОЛОГИИ?

Характерной особенностью лингвистической мысли является стремление структурировать пространство научного поиска, «представить» его в соответствии с существующими тенденциями и бытийными предписаниями самого объекта исследования. Таким образом, не только разность культур порождает разность онтологий (при условии, что онтология рассматривается как семантическое ядро культуры, «производящее смыслозначимые каркасы мира» [Ильин 2001: 271]), но и переход от одного аспекта изучения к другому способствует формированию нового взгляда на вещи. По справедливому замечанию Р.М. Фрумкиной, последний подход отражает познавательную установку, согласно которой наука не только описывает «готовый» мир, но и творит его, создает новую реальность для дальнейшей работы исследователя [Фрумкина 2001: 167].

В свете подобной постановки проблемы попытаемся соотнести пространственную метафору с понятиями 'когнитивизм' и 'семиотика'. Существует два классических понимания пространства – по И. Ньютону и по Г.В. Лейбницу, которые различаются тем, что «одно отвлечено от человека-наблюдателя, а другое, напротив, "одушевлено" его присутствием» [Кубрякова 2000: 90]. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии, тогда как лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, к так называемой «наивной картине мира» [Там же: 90]. Получается, что изначально семиотические концепции вырастают на почве ОБЪЕКТИВНОГО пространства, тогда как когнитивистика творит в пространстве СУБЪЕКТИВНОГО, неизменно включая в сферу своих непосредственных интересов «человеческий фактор». В конечном счете, мы приходим к тому, что в зависимости от личностных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали или компоненты ситуации, а потому фон и фигура как бы меняются местами, то высвечивая явление целиком в его разновекторных пространственных связях, то отодвигая его на задний план, ограничиваясь изучением «пустого» структурного континуума с тем, чтобы обозначить предельно возможную минимизацию отношений именования, минимальную схематизацию, необходимую, но достаточную [Степанов 1985: 15]. Поэтому-то в многочисленных лингвистических дискуссиях – иногда в подтексте – читается выбор между «природой» и «культурой», между К.Р. Поппером и М.М. Бахтиным, между К. Леви-Строссом и Л.С. Выготским [Фрумкина 1999].

В данной статье мы предлагаем совместить пространства семиотики и когнитивной лингвистики, обозначив некоторые основополагающие моменты этой потенциальной «научной интеграции». Необходимость подобного рода имеет вполне закономерное объяснение. Дело в том, что именно природа языка принципиально двойственна, язык, как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, есть в одно и то же время и «система знаков, замещающих предметы речи (реальные и идеальные)», и «система символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [Арутюнова 1997: 657]. Символический момент в языке закрепляется в языковом значении и, прежде всего, в значении слова, которое имеет много уровней глубины [Постовалова 2004: 589]. Слова в языке, который по Н.Д. Арутюновой, и есть «совокупность значений, сосредоточивших в себе духовный опыт людей (нации, человечества) – практический, нравственный, эстетический и мифологический», при своей актуализации способны раскрывать разные стороны и «глубины» своего значения в зависимости от внутреннего мира говорящего и целенаправленности дискурса [Там же: 589]. «Знаки требуют понимания, символы и значения – интерпретации» [Арутюнова 1999: 342]. Если знаки «ближе» к общению, то «символы и даже образ ближе к мышлению – художественному, мифическому, религиозному» [Там же: 344]. Когнитивная лингвистика, в самом общем смысле, представляет собой науку о символах (здесь символ являет собой метафору «одушевленных» знаков), а семиотика – науку о знаках, в центре внимания которой объективные обобщения, полученные посредством подключения механизмов понимания.

Симптоматичным является и то, что необходимость в своего рода «концептуальной интеграции» прослеживается не только в теоретических моделях когнитивистики, но и в пространстве семиотического измерения. Так, в семиотике выделяют три главенствующих подхода, характеризующих современную науку о знаках, каждый из которых, с одной стороны, стремится к самоутверждению и обособлению, а, с другой стороны, отражает необходимость в интегративности, пытаясь выйти за рамки собственно семиотических методик анализа.

Таким образом, семиотику характеризует ИММАНЕНТИЗМ, где формальное, то есть структура, и является тем, что порождает значение (см., например, работы Ю.М. Лотмана, У. Эко); «ИНТЕРТЕКСТУАЛИЗМ», где весь мир есть текст, а культура – «резервуар значений, понимаемых в смысле информации, т.е. натурно данного знания» [Горный 1996: 170–171] (см., например, работы Р. Барта); СЕМИОГОНИЗМ, касающийся исследования «семиозиса, т.е. проблемы возникновения знаковых структур из некоторой не- или до-знаковой реальности» [Там же: 172] (см., например, работы Ч. Пирса, Ч. Морриса, М.М. Бахтина). При этом знакообразование (семиозис), как верно замечает Н.Б. Мечковская, представляет собой эксплицитную составляющую процессов приращения и накопления информации [Мечковская 2004: 576].

Семиотика, следовательно, – это перенос метафоры языка на любые неязыковые (с точки зрения обычного, «несемиотического» сознания) феномены. Одним из принципов, на которых основывается семиотика, является расширение значения лингвистических терминов. Таким образом, метод семиотики – это рассмотрение чего угодно как метафоры языка или, говоря иначе, метафорическое описание чего-то в качестве языка. Семиотика XXI века, впрочем, как и когнитивистика, получает метафорическое прочтение и пытается «разорвать оковы» некой упрощенной минимизированной структуры. Тот же лейтмотив звучит и в рассуждениях Вяч.Вс. Иванова о лингвистике третьего тысячелетия: «При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, пограничную не только с психологией и философской прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и соответственно вырастает роль субъективного начала» [Иванов 2002: 84–85]. Следовательно, семиотика проигрывает когнитивистике по части 'субъективности', а когнитивистика – в отношении 'объективности'.

Однако несколько парадоксальным оказывается то, что комплементарность обсуждаемых научных парадигм долгое время настойчиво игнорировалась. Е.С. Кубрякова

констатирует, что, как ни странно, среди наук когнитивного цикла очень редко упоминается семиотика, хотя «некий семиотический фон явно прослеживается уже у первых ученых, стоявших у истоков когнитивизма» [Кубрякова 2001: 283]. Продолжая свою мысль, когнитолог указывает на тот факт, что применительно к языку акт семиозиса заключается в поисках и нахождении конкретной языковой формы, которая способна «упаковать» складывающееся в голове говорящего (новое) знание [Там же: 286]. «Знак вещи или события есть их смысл, но не просто смысл, а такой, который осуществлен, воплощен или дан на каком-нибудь субстрате» (А.Ф. Лосев, цит. по [Кубрякова 2001: 286]). Таким образом, объективация смысла (его воплощение в языке) происходит посредством выбора той или иной формы материи языка. Р.М. Фрумкина полагает, что подобное планомерное «отчуждение» когнитивистики и семиотики произошло в силу того, что, во-первых, семиотика, в конечном итоге, утратила роль образца «особо чистой науки» [Фрумкина 1999], а, во-вторых, современная наука все еще продолжает «проводить политику» последовательного отрицания психологического позитивизма, который и послужил философско-методологической базой семиотических исследований.

Как известно, философию позитивизма отличают следующие характерные черты:

1) отрицание метафизики (только то, что доступно наблюдению, имеет значение для науки);

2) отрицание онтологии и замена ее теорией и методологией познания («Семиотика не может быть одновременно оперативной техникой и познанием Абсолюта» [Эко 1998: 24], таким образом, структурализм не может стать онтологией, его место – быть методом, «рабочим инструментом».);

3) отрицание самоочевидности и связанный с этим рационализм («Структура – это модель, выстроенная с помощью некоторых упрощающих операций, которые позволяют рассматривать явление с одной единственной точки зрения» [Там же: 63].);

4) отрицание субъективности и рассмотрение ее как простой помехи для объективного научного знания («Мы сводим все интересующие нас феномены к довольно простой модели, взяв за основу простейший случай коммуникации. Затем исходные понятия подвергаются критической оценке, расширяются, предстают в ином свете, отвергаются, загоняются в расставленные ловушки, испытываются на прочность» [Там же: 30].);

5) концепция нормы (нормальными признаются только чувственный опыт и логическое мышление; все прочее – либо невежество, либо патология).

Принимая во внимание эти философские установки, становится понятным, почему даже термин «интерпретанта» в большей степени наделяется объективным содержанием, в то время как любой процесс интерпретации (даже интерпретации в привычном для нас профанном понимании) предполагает творчество, а значит, активизирует те механизмы сознания, которые отвечают за образование множества индивидуальных ассоциаций и смыслов, выявляемых посредством методов самонаблюдения или эксперимента, используемого, прежде всего, в качестве верификационной процедуры [Селиверстова 2001: 305].

Так, один из основоположников семиотики Ч. Моррис подчеркивает, что термины «знак», «десигнат», «интерпретанта» и «интерпретатор» подразумевают друг друга, поскольку являются лишь способами указания на аспекты процесса семиозиса [Моррис 2001: 48]. Следовательно, интерпретанта, по Ч. Моррису, – это общее знание о предмете, которое можно онтологически соотнести с когнитивной категорией. Ч. Пирс, предвосхитивший концепцию Ч. Морриса, также несколько амбивалентен в определении понятия «интерпретанта». В одних случаях он отождествляет ее с контекстом (знак становится знаком только в определенном контексте). В других случаях интерпретанта понимается Ч. Пирсом как набор правил употребления, то есть рассматривается как чисто прагматическая составляющая акта семиозиса [Пирс 2000]. Доводя концепцию Ч. Пирса до логического завершения, известный итальянский семиотик У. Эко констатирует, что «интерпретанта это то, благодаря чему знак значит даже в отсутствие интерпретатора» [Эко 1998: 53]. Эта двойная природа интерпретанты и заложила базу для развития

когнитивно-ориентированной теории коммуникации. Именно интерпретанта, по словам В.И. Заботкиной, и является связующим звеном между когнитивистикой и семиотикой [Заботкина 2002: 155], хотя именно семиотики всегда планомерно и последовательно отрицали мощный познавательный потенциал процесса интерпретации фактов языка. Классическим примером тому служит концепция М. Фуко, в которой безапелляционно заявляется, что «не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков» (цит. по [Ильин 2001: 270]). «Если угодно, не существует никакого *interpretandum*, которое не было бы уже *interpretans*. ... Интерпретация не поясняет некий предмет, подлежащий интерпретированию, – она может лишь насильственно овладеть уже имеющейся интерпретацией и должна ее ниспровергнуть, перевернуть, сокрушить. ... Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию, ведь основное в интерпретации – сам интерпретатор» [Там же: 270]. Однако, несмотря на ярко выраженный скептицизм концепции М. Фуко, она приводит нас к интерпретатору, а значит, «оправдывает» роль субъективного фактора в науке о языке, который в сочетании с верифицируемой методикой анализа позволяет «услышать» «многоголосие» так называемой «отсутствующей» структуры (термин в [Эко 1998]) в тот момент, когда говорящий воспринимает чужое высказывание, погружая его в определенный ситуативный контекст. И эта интерпретирующая работа сознания, направленность мышления человека в сторону оценочного осмысления бытия заполняет ментальный мир *homo loquens* множеством ассоциаций, реминисценций, отсылок, которые индуцируются в языковой памяти. Конечный образ высказывания в сознании говорящего возникает «из взаимодействия многонаправленных ассоциативных полей, в окружении которых – и через посредство которых – данное высказывание и различные его компоненты находят свое место в конгломерате языкового сознания говорящего» [Гаспаров 1996: 107]. Наша задача – как можно точнее воссоздать этот образ, объединив методики лингвокогнитивного и семиотического анализа.

3. В ПОИСКАХ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА

Исследования, проводимые в рамках когнитивной научной парадигмы, недвусмысленно выявляют одну очень важную закономерность, которая лежит в основе процессов восприятия и обработки информации. Так, когнитивная деятельность, с одной стороны, оперирует определенным набором базовых гештальтов, которые дают несколько упрощенное представление о задействованных в процессе коммуникации мыслительных механизмах; с другой стороны, данный вид деятельности настолько многогранен и вариативен, что ведет к мгновенному «отторжению» какой бы то ни было клишированности и схематизации. Эти две противоположные по своей сути тенденции описываются Е.В. Рахилиной в терминах структурной стабильности (*structural stability*) и гибкой приспособляемости (*flexible adaptability*) [Рахилина 2002: 51]. Структурная стабильность регулируется, в первую очередь, языковым сознанием человека, так как «язык противостоит бесконечной области мыслимого, он должен быть в состоянии найти конечными средствами бесконечное употребление, и он может этого достигнуть вследствие тождества силы, порождающей мысли и язык» [Шпет 2003: 24]. Гибкая приспособляемость же не позволяет минимизировать тот богатейший образно-ассоциативный потенциал, декодирование которого требует перехода от простого «схватывания» так называемой поверхностной структуры сообщения к интерпретации его глубинных смыслов, а именно «к новому пониманию языка как такового» [Кубрякова 2004:45].

Следовательно, сама онтологическая противоречивость когнитивной деятельности языковой личности подсказывает совмещение структурно-ориентированного и собственно интерпретативного подходов к анализу фактов языка, иными словами, указывает на необходимость концептуального «спайивания» методов когнитивистики и семиотики. Основной задачей этой интеграции, на наш взгляд, является все же поиск некоего

образца, единой внутренней структуры языка, «поиск непротиворечивой основы мироздания» [Гурицкий 2002: 88], способный в конечном итоге привести к созданию общей теории науки о языке, в центре которой находится 'человек говорящий'. Ведь сам процесс представляет собой особый вид когниции, «непосредственным объектом которой является продукт речевой деятельности, а результаты и инструменты обладают разветвленной типологией и насквозь пропитаны личностными характеристиками» [Демьянков 1994: 27].

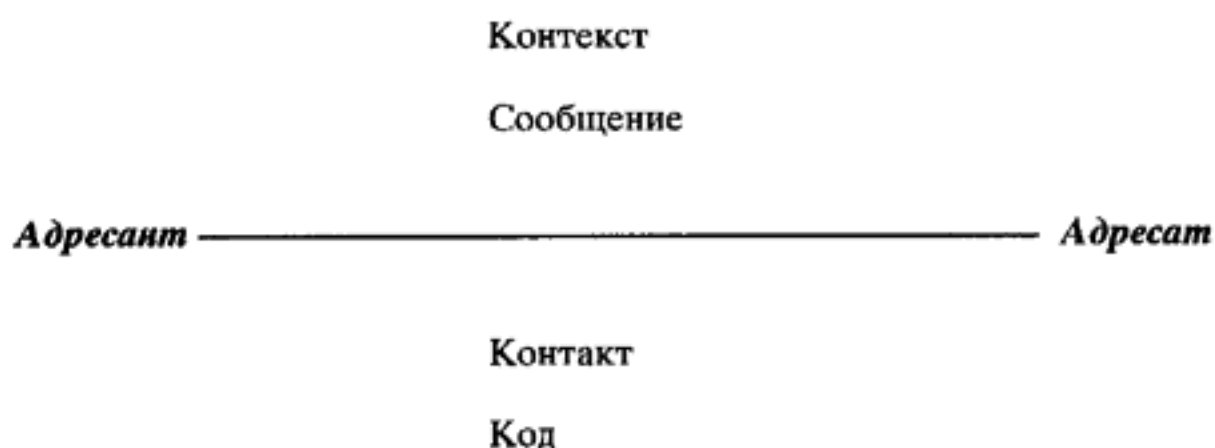
Подобный выбор объекта исследования неслучаен. Он объясняется некой «краевой» спецификой оценочных суждений. С одной стороны, в оценочных суждениях используется все то, что приобретено на первичных этапах обработки информации: сенсорном и перцептивном; с другой стороны, именно оценочными суждениями завершается процесс информационной подготовки действия, и именно на их основе и под их непосредственным влиянием разворачиваются так называемые регулятивные процессы: принимаются решения, осуществляется целеполагание и планируется поведение. Вместе с тем функциональный аспект высказывания получает свою актуализацию лишь в ситуации реальной коммуникации, а моделирование общения посредством когнитивно-семиотического метода расширяет границы нашего мира, поскольку «язык не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, – он является “окном” в сознание человека» [Кубрякова 2004: 12]. К тому же, по прозорливому замечанию Г.Г. Шпета, «язык посредствует не только между человеком и мыслимым им действительностью, но также между человеком и человеком, передавая мыслимое от одного к другому в виде и в формах общественной речи» [Шпет 2003: 41]. Отметим также, что в лингвистике уже предпринимались попытки соположения двух базовых сущностей семиотики и когнитивной лингвистики, а именно знака и концепта (в отличие от высказываний с прямым и косвенным оценочным наполнением). Так, Ю.С. Степанов совершенно справедливо замечает, что «семантический треугольник» и есть тот структурный конструкт, который лежит в основе любого концепта. «“Семантический треугольник” с его тремя вершинами (1–2–3) здесь тот же, что и в основе слова: (1) слово связано с (2) предметом обозначения, что и составляет его “значение”, и со (3) “смыслом”, который и составляет “концепт”» (цит. по [Арутюнова, Кубрякова 2001: 27]). «Семантический треугольник» являет собой наилучшую схему, которую, тем не менее, неоднократно упрекали в неполноте, а потому предлагали дополнить ее до «квадрата», «трапеции», «многогранника» и т.д. [Степанов 1985: 15]. «Во всех этих предложениях сквозит непонимание того, что необходима и достаточна именно минимальная схема, тогда как максимальным – нет числа» [Там же: 15]. Тем не менее, формирование концепта – это тот же «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотношения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т.д.» [Слышкин 2000: 10]. В.И. Карасик также отмечает, что концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание [Карасик 2004: 109].

О б о з н а ч е н и е – это выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака – ведь то, что «схвачено знаком» и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль» [Кубрякова 2004: 305]. Под **в ы р а ж е н и е м** концепта понимается вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание. **О п и с а н и е** концепта представляет собой специальные исследовательские процедуры толкования значения [Карасик 2004: 109–110]. В концепции В.И. Карасика обозначение соотносится с ценностной составляющей концепта, выражение – с образной, описание актуализирует понятийную характеристику концепта. Жизнь знака в семиотической системе также определяется тремя его «измерениями»: тем, как строится его «тело» и какой субстанцией оно представлено; тем, что оно значит или обозначает (на что указывает), и, наконец, тем, какое воздействие производит (какой эффект вызывает)

ет его употребление). Следовательно, структурная организация концепта – это своего рода микрокоммуникация, некий интертекст, в котором постоянно присутствует элемент игры, игры ценностного, понятийного и образного компонентов, а значит в самом общем смысле – субъективного и объективного.

В процессе реальной коммуникации говорящий оперирует знаками, которые посылают сигналы трех типов: собственное указание на предмет, явление или ситуацию (объективный момент); воздействие на психику адресата (субъективный момент) и апеллирование к его «рацио» с целью «подключения» оценочных механизмов сознания, отвечающих за интерпретативную деятельность (субъективный или объективный момент). В случае равномерного распределения объективного и субъективного «зарядов» в образовавшемся «силовом поле» [которое, по мнению И.Э. Клюканова, является результатом семиозиса, создающего разнонаправленный и многомерный коммуникативный универсум (см. в [Залевская 2000: 44])] наступает состояние равновесия, поскольку разница потенциалов между взаимодействующими субъектами незначительна, а коммуникативная дистрибуция задействованных знаков приблизительно равна. Крайняя разбалансированность силового поля вызывается критической разницей потенциалов между участниками коммуникации. В случае номинаций с прямой оценочной семантикой (то есть, когда интенции говорящего не вуалируются, а открыто выражаются) вероятность гармонии внутри этого силового поля намного больше, так как адресату не приходится прибегать к механизмам интерпретации в полном объеме, он лишь опирается на свою языковую компетенцию и без труда улавливает основное содержание сообщения. В этот самый момент субъективное 1 (то есть восприятие ситуации говорящим) и субъективное 2 (восприятие ситуации слушающим) преобразуются в объективное (мнения партнеров по коммуникации могут и не совпадать, т. к. «границы языка, который субъект понимает, есть границы его мира» [Ильин 2001: 271]). Так, 'прототипическую модель прямой оценки' в контексте интеракции можно соотнести с семиотической моделью коммуникации, предложенной Р. Якобсоном [Якобсон 1975] (см. схему № 1).

Схема № 1

Как и в любом акте вербальной коммуникации при концептуальном «развертывании» 'прототипической модели прямой оценки' можно выделить шесть конститутивных факторов (оперируя терминологией Р. Якобсона): (1) а д р е с а н т посылает (2) с о о б щ е н и е с прямой оценочной семантикой (3) а д р е с а т у; прямая оценочная десигнация нуждается в соответствующем (4) к о н т е к с т е, то есть в «привязке» к конкретной ситуации, иными словами, – в референции: «языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального «ближайшего значения» (по А.А. Потебне) до широкого культурно-исторического фона» [Карасик 2004: 89–90]; функция (5) к о д а – осуществление трансляции оценочных смыслов унифицированными средствами с тем, чтобы передаваемое сообщение было правильно декодировано адресатом; наличие (6) к о н т а к т а, то есть фактического канала связи, обеспечивает сам процесс коммуникации. Соответственно, каждый из указанных факторов обслуживает основные функции языка: р е ф е р е н т и в н у ю (д е н о т а т и в н у ю), ориентирован-

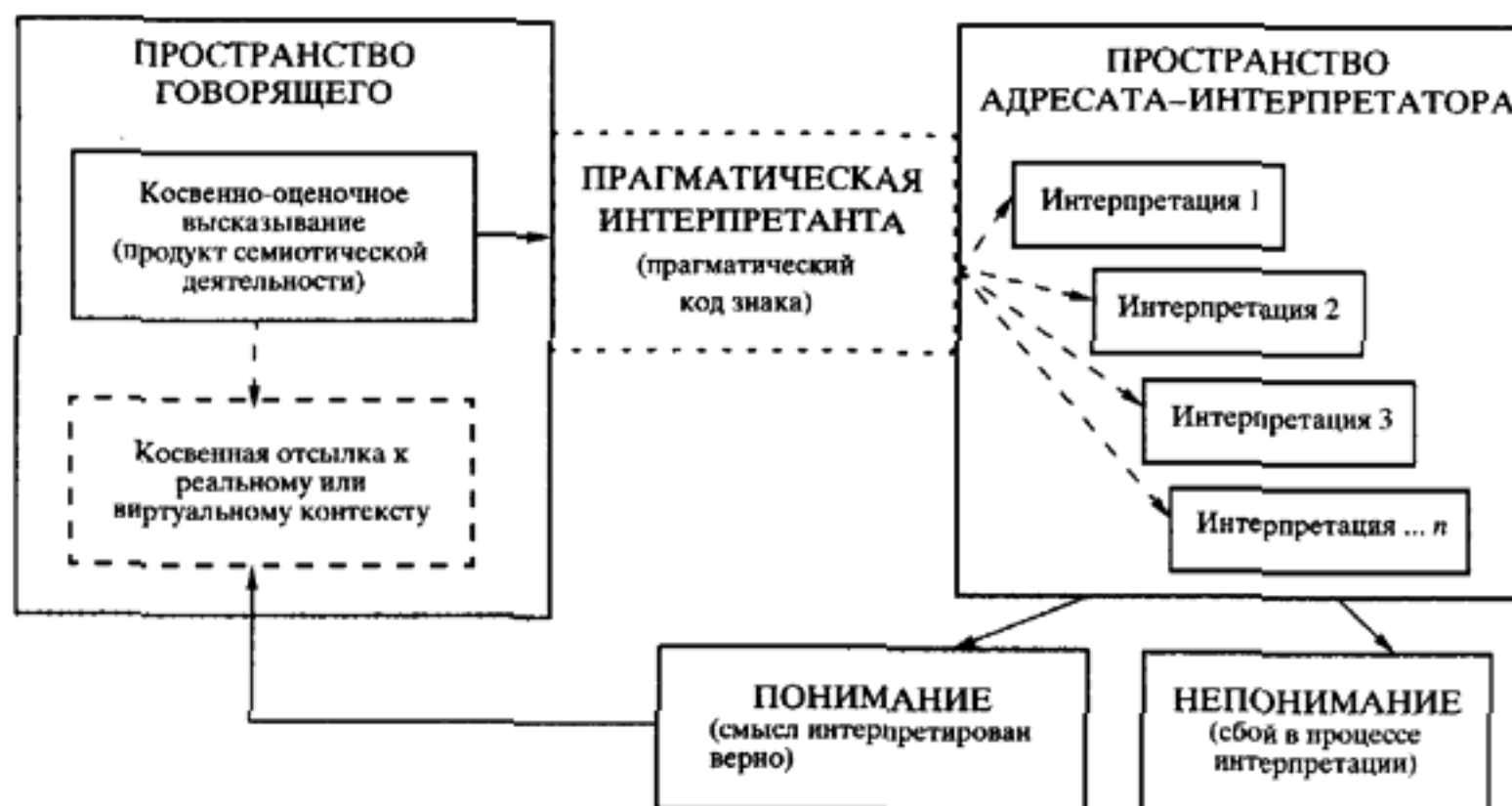
ную на контекст; э м о т и в н у ю, нацеленную на адресата; к о н а т и в н у ю, оказывающую соответствующее воздействие на адресата; ф а т и ч е с к у ю, целью которой является установление контакта между коммуникантами; м е т а я з ы к о в у ю, связанную с кодированием сообщения; п о э т и ч е с к у ю, направленную непосредственно на сообщение.

Однако существенная разница потенциалов внутри создавшегося «силового поля», ведущая к дисбалансу его конститутивных фрагментов, по большей части возникает в контексте косвенно-оценочного осмысления бытия. В данном случае следует уточнить, что речь, в основном, идет не о клишированных конструкциях типа англ. *Could you open the window?* (хотя и здесь вступают в действие те же законы интерпретации), которые без труда соотносятся в сознании адресата с реальной интенциональной компонентой и, соответственно, воспринимаются как готовые знаки косвенности, а о своего рода окказиональных ее проявлениях, лишенных фиксированной формы выражения. Косвенность в данном освещении предполагает активную роль продуцента речи, субъекта, который настраивает коммуникацию на свою «прагматическую волну». В наиболее «сокрытом» виде – косвенно и неявно – субъект, по мнению Н.К. Рябцевой, присутствует в пресуппозициях, коннотациях и импликациях со своей «философией “Я”» [Степанов 1985], причем наиболее насыщенными подобным «субъектным» смыслом оказываются самые «малые» и предельно грамматикализованные единицы языка – частицы, союзы и другие «дискурсивные слова». Именно поэтому толкование и интерпретация их речевого поведения является, как известно, одной из самых сложных задач современной семантики [Рябцева 2004: 452].

Реализуя свои так называемые ‘семантические кварки’ (термин Ю.Д. Апресяна), то есть мельчайшие смыслы, находящиеся в прагматическом измерении языка [Апресян 2004: 29], ‘прототипическая модель косвенной оценки’ [Самигуллина, Федорова 2004] в действии или в функциональном аспекте намного сложнее и «неуловимее» предыдущей. К тому же, как справедливо отмечает Вас.Ю. Кузнецов, «восприятие и понимание языка оказывается сконцентрированным вокруг прямореференциальных его возможностей, при том, что практически все косвенные и неявные остаются в тени» [Кузнецов 2001: 218]. Непрямой референции повезло даже меньше, чем молчанию, поскольку непрямая референция не просто «кивает» в сторону чего-то иного, что можно выразить и прямо, она остается единственной возможностью намекнуть на то, что недоступно схватыванию, что постоянно ускользает. Расшифровка косвенных оценочных смыслов подчас зависит от наблюдаемости адресата, его личной сферы (в терминологии Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995: 629–650]), которую образуют «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально..., все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян 1986: 28], а также от наблюдателя-интерпретатора, который пытается предложить максимально объективный взгляд на вещи и услышать «голоса» взаимодействующих сознаний (подробнее об этом см. в [Мурясов и др. 2004]). Следовательно, ‘прототипическая модель косвенной оценки’ в ситуации коммуникативного взаимодействия обязательно должна включать такие ключевые понятия, как «интерпретанта», «интерпретатор» и «интерпретация» (см. схему № 2), поскольку внутри нее идет постоянная работа с «сокровенными смыслами», которые и затрудняют изучение феномена косвенной референции. При этом говорящий продуцирует косвенно-оценочное высказывание, а задачей адресата-интерпретатора является ментальная реконструкция процесса семиозиса с последующим анализом смысловых потенций сообщения и выбором той или иной интерпретации (1, 2, 3... n), которая в итоге приведет его либо к пониманию, либо к непониманию интенции говорящего. Нам представляется возможным также ввести понятие прагматической интерпретанты с тем, чтобы избежать двусмысленности в определении данной сущности (см., например, работы Ч. Пирса). Прагматическая интерпретанта несет информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого прагматического контекста, к которым относятся статусные характеристики участников коммуникации, возраст, этническая принадлежность, гендер и

т.д. Иными словами, прагматическая интерпретанта являет собой определенный прагматический код знака.

Схема № 2

Данная схема относительно условна, но достоинством ее является «расчлененное» представление процесса коммуникации, в котором «присутствует не только отражение объективного мира, мира “как он есть”, но и чисто человеческое отношение к миру со всей субъективностью его взглядов и оценок и – в то же самое время – свободой выбора *собственной позиции*».

Таким образом, мы убеждаемся в том, что так называемая объективная действительность не дана нам в непосредственном наблюдении, в непосредственной эмпирии, поскольку мы постоянно создаем ее с помощью нашей психики, творя новую реальность языком. Поэтому-то «духовная феноменология» оказывается неустранимой, пока мы находимся в сфере letters [Фрумкина 1999]. Поэтому-то иногда стоит остаться структуралистом-когнитологом и, с одной стороны, попытаться «обуздать» континуум неявных смыслов посредством максимально возможной редукции, а, с другой стороны, не «вынести за скобки» *богатейший ассоциативный потенциал «обязательной грамматики мысли»* [Рябцева 2004], сохраняя тем самым неразрывную связь языка с духовным миром человека.

4. SMS-КУЛЬТУРА ИЛИ 4-Е ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ

В ситуации реального общения нам свойственно достаточно часто прибегать к высказываниям, содержащим косвенно-оценочный компонент, и очевидно, что подобная тенденция связывается не только с нормой говорящего, которая задает соответствующие параметры коммуникации, включая туда «философию “Я”» продуцента сообщения; но и с нормой адресата, которая, по мнению М.А. Кронгауза, «опирается на прагматический постулат вежливости» [Кронгауз 2004: 140]. При общении «глаза – в – глаза» мы находимся во власти фиксированных этикетных установок и конвенций речевого поведения, потому и отдаем предпочтение разного рода недомолвкам и недосказанностям, создавая вокруг сообщения «ауру неоднозначности», что, по мнению Т.М. Николаевой, часто достигается средствами суперсегментного языкового слоя, в пространстве которого идет постоянное формирование дополнительных смыслов [Николаева 1999: 259].

Однако в настоящий момент существует еще одна модель коммуникации, задающая свои правила ведения диалога, поскольку общение «нового времени» осуществляется по

законам кибер-реальности. Речь идет о SMS (Short Message Service) общении, которое отражает одну из характерных особенностей современного общества, называемую Т.М. Николаевой «неизбежным психологическим одиночеством людей “рыночной экономики”» [Николаева 2001: 234]. SMS-коммуникация – это своеобразное бегство от реальности, форма общения, где теоретически нет места косвенной референции, где в полной мере задействована модель коммуникации Р. Якобсона (см. схему № 1) и отдается предпочтение сообщениям прямореференциального толка. Возможно, что появление этого альтернативного вида коммуникативного взаимодействия продиктовано особой реакцией представителей англоязычной культуры на множество условностей, предусматривающихся правилами ведения реальной коммуникации в англоязычной среде.

В настоящий момент SMS – это уже культурное явление, со своей «концепцией» ведения диалога, или точнее псевдиалога, с собственным SMS-фольклором (шутками), SMS-новостями (метеосводками, курсами валют, гороскопами и т.п.).

Основные принципы SMS-коммуникации можно сформулировать следующим образом:

1. SMS-общение изначально нацелено на речевое взаимодействие в пространстве 'СВОЙ – СВОЙ' (реже 'СВОЙ – ЧУЖОЙ'), где можно себе позволить практически все, где ничего не навязывается нормами речевого поведения, где поощряется лаконичность и прямота в актуализации своих интенций.

2. В содержательном аспекте косвенность минимизируется до прямореференциального смысла или же проявляет себя исключительно в виде речевых клише просьбы, извинения и т.п.; эмоциональная составляющая отделяется от рациональной (эмоции кодируются специальными знаками: ☺ :) – эмоция счастья, ☹ :(– эмоция грусти и т.д.), что уподобляет SMS-коммуникацию упрощенному общению при помощи простых сигналов и элементарных знаков. Существенные изменения затрагивают и формальный аспект сообщения. Так, редукции подвергается не только содержательная сторона высказывания, но и сам способ выражения, так как цель такой коммуникации – максимум информации при минимальном нажатии на кнопки телефона. Возникает SMS-код, где не существует понятия правописания, а предпочтение отдается фонетической орфографии (например, *Сонце* вместо *солнце*, *-ца* вместо *-ться*: *мыца*, *сушица* и т.д.). Главенствующую роль в SMS-коммуникации играют аббревиатуры и так называемые «мелкие» слова. Приведем в качестве примера несколько SMS сообщений и SMS-клише, характерных для интеракции в англоязычном этносоциуме:

- RU OK? – *Are you OK?*
- Y NY? – *Yes and you?*
- OK CU2DAY? – *OK. See you today?*
- NO 2MORO WER? – *No. Tomorrow. Where?*
- @J'S. CUL8TR – *At John's. See you later.*
- LUV B – *Love Bob.*
- F2T? – *Free to talk?*
- N. WER RU? – *No. Where are you?*
- @ WK. NU? – *At work. And you?*
- @ HM. CU L8TR? – *At home. See you later?*
- Y. WEN? – *Yes. When?*
- @7. TA4N. CU – *At 7 o'clock. That's all for now. See you.*
- OK. B4N. – *OK. Bye for now.*
- LOL – *laughed out loud*
- BTW – *by the way*
- IMO – *in my opinion*
- IMHO – *in my humble opinion*
- TTFN – *ta ta for now [bye for now]*

Несмотря на то, что SMS-коммуникация стремится к максимальной объективности, 'субъективный' момент все же присутствует, иначе общение будет осуществляться не по линии 'человек – человек', а в направлении 'человек – телефон'. Следовательно, наибольшую «субъективную» нагрузку несут самые «малые» элементы языка – различного рода частицы, междометия и прочие «дискурсивные слова», а также знаки препинания. По словам Н.К. Рябцевой, это «предельно свернутые грамматические выразители присутствия субъекта, его текущих ментальных/внутренних состояний и его отношения к предмету речи, ее адресату, ситуации и пр.» [Рябцева 2004: 455]. Все это как бы и «авторская интонация на дисплее телефона», и выделение, указание, «дейксис», и связывание мыслей в единое целое и т.п. И что самое главное – взаимодействие с адресатом, диалог с ним, проникновение диалогической речи в монологическую, актуализация изложения и одновременно проявление авторского стиля [Там же: 456].

3. Как и любое общение, SMS-коммуникация имеет свои этикетные правила и нормы, хотя они менее регламентированы. К примеру, совершенно приемлемым считается «растягивание» диалога во времени в ситуации «фразовой асимметрии» (термин в [Гак 2004]), когда наступает либо красноречивое молчание (как средство экстерииоризации переживаний субъекта), либо молчание, вызванное крайней занятостью адресата сообщения, что в SMS-коммуникации является более вероятным. К тому же, в общении посредством SMS вопросы «из вежливости» не задают, ведь слишком много усилий и времени затрачивается на составление одного такого витиеватого сообщения.

Возвращаясь к проблеме прямых и косвенных референциальных смыслов, следует отметить, что, несмотря на «объективную основу» SMS-коммуникации, декодирование высказываний с прямой оценочной семантикой также затруднено из-за чрезмерной краткости сообщения. Таким образом, SMS-общение – это «общение наоборот», где человек еще не может отключиться от избыточной косвенности привычного ему коммуникативного взаимодействия и продолжает искать скрытое смысловое содержание даже в высказываниях с прямой оценочной семантикой, а значит, продолжает неосознанно трактовать, толковать и интерпретировать, возвращаясь к «прототипической модели косвенной оценки» (см. схему № 2), превращая ОБЪЕКТИВНОЕ в СУБЪЕКТИВНОЕ. И этот процесс бесконечен...

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистика, находясь в поиске «идеального проекта», на протяжении всей своей истории развития «бросается в крайности» то собственно объективистских (семиотических) концепций, то преимущественно субъективистских (например, когнитивных) описаний в процессе работы с языковыми данными.

В настоящий момент философы и культурологи по большей части говорят о животворной роли хаоса. Соответственно и в современной лингвистике рационализм в его структуральном варианте признается упрощенной моделью действительности. В.И. Карасик полагает, что подобный антирационализм в науке является реакцией на предшествующий этап сверхрационализма, а также объясняется кризисом науки и общественного развития в целом. Научное видение мира, построение моделей и теорий – это продолжение и углубление наблюдений и переживаний человека, осваивающего и осознающего мир и себя в мире [Карасик 2004: 89]. Следовательно, истину необходимо искать где-то посередине, в построении такой теории, где гибкость и строгость будут находиться в непротиворечивом взаимодействии, будут «сосуществовать», расширяя наше знание о пространстве языкового функционирования. Это будущее лингвистики мы видим в совмещении методик и практик когнитивного и семиотического моделирования, а также в нахождении особой объективно-субъективной позиции исследовательской мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Арутюнова 1997 – Н.Д. *Арутюнова*. Язык // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. *Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1999.
- Арутюнова, Кубрякова 2001 – Н.Д. *Арутюнова*, Е.С. *Кубрякова*. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Вежбицкая 1999 – А. *Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / Под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999.
- Воркачев 2003 – С.Г. *Воркачев*. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003.
- Гак 2004 – В.Г. *Гак*. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Гаспаров 1996 – Б.М. *Гаспаров*. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования // Новое литературное обозрение. Вып. IX. 1996.
- Горный 1996 – Е. *Горный*. Что такое семиотика? // www.kinosemiotika.narod.ru/EGorniy.htm
- Гурицкий 2002 – А.А. *Гурицкий*. О ведущих тенденциях в языкознании XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Демьянков 1994 – В.З. *Демьянков*. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. № 4.
- Заботкина 2002 – В.И. *Заботкина*. О соотношении когнитивных и семиотических аспектов лингвистических исследований // Языкознание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Залевская 2000 – А.А. *Залевская*. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
- Иванов 2002 – Вяч.Вс. *Иванов*. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему // Языкознание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Ильин 2002 – В.В. *Ильин*. Язык – Понимание – Культура // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Карасик 2004 – В.И. *Карасик*. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кибрик 2003 – А.Е. *Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Красных 2001 – В.В. *Красных*. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001.
- Кронгауз 2004 – М.А. *Кронгауз*. Норма: Семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Кубрякова 2000 – Е.С. *Кубрякова*. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000.
- Кубрякова 2001 – Е.С. *Кубрякова*. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Кубрякова 2004 – Е.С. *Кубрякова*. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Кузнецов 2001 – Вас.Ю. *Кузнецов*. Философия языка и непрямая референция // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Мечковская 2004 – Н.Б. *Мечковская*. Лавина семиозиса, частично фиксируемая языком (по данным анализа символики креста и мотивированных им знаков) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.

- Моррис 2001 – Ч. Моррис. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Екатеринбург, 2001.
- Мурясов и др. 2004 – Р.З. Мурясов, А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова. Опыт анализа оценочного высказывания // ВЯ. 2004. № 5.
- Николаева 1999 – Т.М. Николаева. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1999.
- Николаева 2001 – Т.М. Николаева. Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пирс 2000 – Ч.С. Пирс. Избранные философские произведения. М., 2000.
- Постовалова 2004 – В.И. Постовалова. Сокровенные смыслы в православной духовной традиции: мистический и символический мир Дионисия Ареопажита // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Рахилина 2002 – Е.В. Рахилина. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Рябцева 2004 – Н.К. Рябцева. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Самигуллина, Федорова 2004 – А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова. Прямая и косвенная оценка: все дело в эмоциональности // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 6.
- Селиверстова 2001 – О.Н. Селиверстова. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Слышкин 2000 – Г.Г. Слышкин. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Степанов 1985 – Ю.С. Степанов. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В.П. Нерознак. М., 1985.
- Степанов 2002 – Ю.С. Степанов. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкознание: Взгляд в будущее / Под ред. проф. Г.И. Берестнева. Калининград, 2002.
- Фрумкина 1999 – Р.М. Фрумкина. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // ИАН СЛЯ. 1999. № 4. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM>
- Фрумкина 2001 – Р.М. Фрумкина. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М., 2001.
- Чудинов 2001 – А.П. Чудинов. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Шпет 2003 – Г.Г. Шпет. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). 2-е изд. М., 2003.
- Эко 1998 – У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- Якобсон 1975 – Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Shore 1991 – B. Shore. Twice-born, once conceived: meaning construction and cultural cognition // American anthropologist. 1991.